

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО¹

© 2020 г. Н. М. Рогожин

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

E-mail: nmrogozhin@gmail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 01.07.2020 г.

В статье приведены результаты исследования актов и делопроизводства системы центрального государственного управления России XVI–XVII вв. Автор показывает, что в силу большой территории, многоэтничности, поликонфессиональности России сильная централизованная власть является неизбежным фактором её существования. В свою очередь XVII век стал временем выбора и последней попытки восстановления нарушенной в эпоху Ивана Грозного *симфонии, совместного делания* государства и церкви.

Ключевые слова: государство, религиозная вера, сильные централизованная власть и управление, царские судебники, Соборное уложение 1649 г., Стоглавый собор, Смута, Земской собор, крепостное право, восстания, абсолютизм.

DOI: 10.31857/S0869587320090054

Государство занимало и занимает особое место в истории России. В поисках национальной идеи, объединяющей российских граждан в связи с празднованием — в Год российской истории — 1150-летия зарождения российской государственности, следует обратиться к самому понятию государственности. Её можно определить как исторически сложившуюся систему представлений о роли, функциях, правах и обязанностях государства и его институтов, традициях государственно-го управления.

¹ Статья перепечатывается из сборника “Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.)”. М., 2013. С. 72–79.

РОГОЖИН Николай Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН.

В обществе эти представления существуют в различных формах:

- в поведении и исторической памяти людей,
- в комплексе социально-психологических представлений о власти,
- в научных исследованиях по истории, праву и экономике государства.

Важнейшим фактором формирования национального менталитета и самосознания, также отражающимся на государственности, была и остаётся религиозная вера: “каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями...” (Г.П. Федотов).

Россия на протяжении столетий вырабатывала свои собственные компенсационные и адаптирующие механизмы, призванные обеспечивать устойчивое развитие общества. Следует сразу отметить, что взаимоотношения власти и “народа” или общества отличаются спецификой для каждого исторического периода. Отличительная черта России в том, что её государственность выросла на основе расширения и перераспределения земельной собственности, а не товарно-денежных отношений. Природно-географический фактор во многом определил важную особенность — “государственный феодализм” в России, где был

только один сеньор — государство и один вассал — народ [1].

Земля — наше основное богатство, и расширение территории России — это прежде всего заслуга и результат формирования и развития государственности. Бескрайняя равнина и открытость границ; опасность вторжений с Запада и Востока; необходимость отвоёвывать выходы к морям приводили к традиционной милитаризованности общества. Только сильная централизованная власть и управление могли преодолеть эти трудности.

Киевская Русь, феодальная раздробленность, период Ордынского нашествия — это самостоятельные цивилизационные пласты истории нашего Отечества, из которых выросла государственность России XVI–XVII веков и формировались взаимоотношения власти и общества. По меткому определению Бориса Андреевича Успенского, великий князь “территориально... оказывается преемником татарского хана, а семиотически — греческого императора” [2, с. 184–185]. Борьба за национальное и религиозное выживание объясняет форсированную централизацию Русского государства, при которой в обществе уже не было места независимости и свободе.

В XIII веке стольный город Владимир успел побывать под властью 10-ти князей, в XIV столетии великое княжение доставалось 11-ти князьям, а весь XV век укладывается в княжения трёх великих князей: Василия I Дмитриевича (1389–1425), Василия II Васильевича Тёмного (1425–1462) и Ивана III Васильевича (1462–1505). Росло также значение великокняжеской канцелярии: за годы феодальной войны 1430–1453 годов в архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилось 39 грамот Василия Тёмного, из них боярские подписи имели место лишь на пяти. Прочие, по предположению Ю.Г. Алексеева, писались княжескими дьяками. Когда Иван III начинал княжить, его земли почти полностью были окружены самостоятельными русскими владениями. В конце княжения он имел лишь иноплеменных и иноверных соседей. И если в середине XV в. его политика была удельной, то в конце столетия она становится национальной.

Принципиально новая, централизаторская политика великокняжеской власти идеологически облекалась в форму борьбы не за новое, а за “хорошо забытое старое”. Стремлением подчеркнуть взаимосвязь и преемственность власти московских князей и государей домонгольского периода было продиктовано не только возвращение исконных земель, но и строительство в 1472 г. нового Успенского собора в Москве. За образец был взят собор Успения Богородицы во Владимире, возведённый при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо [3, с. 155; 4, с. 178]. В 1478 г., после включения Новгорода в состав Московско-

го государства, к присяге было приведено всё население Новгородской земли — “от мала и до велика” [4, с. 248]. Без разницы между боярином и холопом: с высоты царского положения все категории населения были в равной степени его холопами.

В ответ на предложение германского императора Фридриха III пожаловать Ивану III королевский титул великий князь поведал: “...а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим” [5, с. 214]. В том же духе рассуждал о своей власти государь в 1502 г., лишив прав на престол своего внука Дмитрия и заменив его сыном Василием: “Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение!” Идеалом верховной власти становился правитель, наводящий в стране порядок, пусть даже и жестокими средствами.

Как известно, развитие государства проявляется и в развитии правотворчества. На Москве первыми попытками кодификации общегосударственного права можно считать царские судебники и, конечно, Соборное уложение 1649 г. Источниками Первого царского судебника 1497 г. были обычное право, уставные грамоты и практика государственного делопроизводства московских приказов. Документ содержал постановления о суде центральном и местном, статьи по гражданскому праву и процессу. Существенно, что судебник 1497 г. отразил один из ведущих процессов формирования государства — оформление крепостного права. Документ ограничил права перехода крестьян от одного помещика к другому неделей до Юрьева дня осеннего и неделей после него.

Время правления Ивана III Васильевича стало переломным в отечественной истории. При нём начал складываться новый государственный порядок, окончательно оформившийся при его внуке Иване IV Васильевиче (Грозном). Более того, Иван III заложил сохранявшиеся вплоть до Петра I главные параметры имперской государственности: сословных структур, устройства центральных и местных органов власти (в частности приказов [6]), поземельного строя и организации армии, административного деления и судебных инстанций [3, с. 166; 4, с. 55–57, 202, 203]. Подчеркну, что именно имперской, поскольку российская империя — это крупное централизованное государство, отличающееся полиэтничностью, поликонфессиональностью, неравномерностью социально-экономического развития отдельных частей своей территории, включающее в свой состав ранее независимые государственные образования и стремящееся проводить имперскую политику.

Отметим, что идея централизации, объединение территории страны под сильной властью од-

ного государя не была в XV столетии исключительно русской проблемой. Аналогичные процессы протекали тогда практически во всей Европе (Франции, Испании, Англии, среди германских императоров). Например, во Франции начала XV в. разворачивались ожесточённые бои двух феодальных группировок — Бургиньонов и Арманьяков (и всё это на фоне поражений в войне с Англией). “Собирание земель” во Франции в общих чертах завершилось лишь при современнике Ивана III короле Людовике XI (1461—1483) в результате его ожесточённой борьбы с герцогом Бургундии Карлом Смелым. Англия после поражения в Столетней войне (1337—1453) оказалась ввергнута в феодальную войну Алой и Белой Розы (1455—1485). Вооружённая борьба аристократических кланов Англии (Ланкастеров и Йорков) по накалу страстей не уступала аналогичной феодальной войне в Московском княжестве (1430—1453). Испания объединилась в единое государство (1479) только в результате династического брака короля Фердинанда Арагонского и королевы Изабеллы Кастильской; полное же освобождение Пиренейского полуострова от мавров последовало лишь в 1492 г. Объединительные усилия германских императоров потерпели крах уже в конце XIV века. Ордынское нашествие никоим образом не задержало Русь на этом пути. Можно утверждать, что централизаторские идеи на Руси развивались в контексте общеевропейского развития. Незадолго до своей смерти Иван III составил духовную грамоту, согласно которой его владения были распределены между пятью сыновьями. Львиная доля наследства вместе с верховной властью, однако, досталась старшему — Василию Ивановичу, территории и права удельных князей оказались небольшими [3, с. 161, 163, 164, 168].

Идеи централизации нашли своё отражение и в русской православной церкви. Во второй половине XV века нарушается её единство, и появляются ереси. В рамках ортодоксального православия выделилось два течения — “нестяжатели” и “иосифляне”. “Ничего не имея против вмешательства князя в дела церкви, открывая даже этому вмешательству широкий простор, Иосиф Волоцкий получил покровительство власти в самом насущном для церкви его времени вопросе: в вопросе о монастырских имуществах” [7, с. 37]. Церковный собор 1503 года разрешил спор между “нестяжателями” и “иосифлянами” в пользу последних [8, с. 452—454]. Этим, по сути, была predetermined дальнейшая судьба русской православной церкви.

Повышению авторитета власти московского государя способствовал заключённый при посредничестве римского папы брак (1472) Ивана III с византийской принцессой Зоей (Софьей) Палеолог (племянницей двух последних византийских

императоров — Иоанна и Константина, дочь Амореяского деспота Фомы). Этот брак позволял воспринимать Ивана Васильевича в качестве наследника павшей в 1453 г. Византийской империи, давал дополнительные основания к принятию царского титула и способствовал дальнейшему оформлению теории “Москва — третий Рим”, которой суждено было стать стержнем идейной жизни в Московском государстве вплоть до завершения XVII века. Кроме того, брак способствовал налаживанию контактов с Европой. Начиная с 70—80-х годов XV столетия, московский великий князь при осуществлении дипломатических и торговых контактов с Ливонским орденом и городами Нарвой, Ревелем и Любеком добавляет слово “царь” в свой титул [4, с. 190, 230; 7, с. 34].

В отличие от ситуации в Европе, в России централизация совмещалась с борьбой за национальную независимость, которую надо было вести “на три фронта” (Орда, немцы, Литва). Важнейшим этапом в становлении российской государственности следует признать эпоху Ивана Грозного — в связи с первым в истории России венчанием самого Ивана Васильевича на царство, присоединением ранее независимых татарских ханств (Казанского, Астраханского, Сибирского). Форсированная централизация опиралась на военную силу и военные методы управления и, естественно, сопровождалась насилием. Отсюда проистекали деспотические черты во власти московских государей, жёсткость, волюнтаризм, всё отчетливее проявлявшиеся по мере возвышения Москвы. В наибольшей степени от злоупотреблений страдали народные массы, и в стране нарастало недовольство. Массовый характер приобретает уход крестьян и горожан на окраины, в места большей независимости или полной свободы от феодального и государственного гнёта; в лесах возле городов и больших дорог собираются разбойничьи ватаги, которые грабят и убивают феодалов. Высшим проявлением борьбы того времени было восстание московских горожан (1547), события которого потрясли Ивана Грозного. Позднее он вспоминал: “От сего убо вниде страх в душу мою, и трепет в кости моа, и смирился дух мой” [9, с. 39].

В 1550 г. был принят основной законодательный акт периода формирования в России сословно-представительной монархии — новый Судебник. Созданный в обстановке обострения классовых борьбы и внутрикласовых противоречий, он был призван укрепить феодальный правопорядок и способствовать сплочению сил господствующего класса. Документ усилил роль центральных органов и приказной бюрократии в системе управления, повысил их авторитет в глазах населения. Суровые меры наказания вводились за преступления против феодального государства, за убий-

ство господ, за покушение на феодальную собственность и т.п. Постановлениями, относящимися к организации местных органов власти, подготавливалось введение земского управления. Заботясь о правах феодалов на землю, Судебник укреплял их права на крестьян и холопов [10]. Предусматривались меры по защите интересов дворянства, признавалась монополия посадских людей на занятия торговлей и ремеслом, упорядочивалось налоговое обложение.

Вопрос о возможных путях развития Русского государства был в основном решён к середине XVI столетия. Борьба Стоглавого собора со всеми проявлениями свободомыслия, укрепление дворянской администрации в годы “Избранной рады” – всё это показывало, что развитие Московской Руси уже двинулось к опричной диктатуре. Думается, что опричина – это форсированная централизация без достаточных экономических и социальных предпосылок, когда свою реальную слабость власть пытается компенсировать террором, заменить им длительную и сложную работу по созданию государственного аппарата. Объективно опричина на самом деле способствовала централизации, что было необходимо, учитывая сложные отношения с некоторыми соседями. Уместно при этом вспомнить, что когда войско Петра I после победы в Северной войне торжественно вступало в столицу, на триумфальной арке были изображены Иван Грозный и Пётр Великий, а также символические надписи: “Он начал, я завершил”.

Но не будем забывать, что разворот монаршей власти к неприкрытой воинственности поставил Русь в очень тяжёлое положение. Державность утверждалась массовым внутренним террором, агрессивными внешними войнами, разорением и обнищанием народа, а последовали за этим тяжелейший экономический кризис и распад власти. В 1581 г. отменен Юрьев день и введены “заповедные” 1581 г. и “урочные” 1597 г. лета. Показателен в этом отношении конфликт между церковью и государством, который нашёл своё драматическое выражение в противостоянии царя Ивана Грозного и митрополита Филиппа Колычева. Самодержавные идеи Ивана Грозного утверждали богоустановленность и безграничность царской власти. Своим подвигом Филипп показал, что государство в лице царя Ивана IV Грозного должно подчиняться высшему началу.

Следует отметить, что Годунов – первый выборный царь на Руси. Для российского общества это был один из начальных опытов демократии. Вопрос об ограничении царской власти рассматривался в договоре от 4 февраля 1610 г. об избрании на русский престол польского королевича Владислава, – договоре, фактически ставшем первым в истории России конституционным проектом.

“Бунташный” XVII век начинался тяжелейшим кризисом. Смута и последовавшие за ней события показали, что государство никогда не смогло бы выстоять без поддержки народа. С другой стороны, народ также постоянно искал защиты и покровительства со стороны государства, которое персонафицировалось для него в фигуре государя. Менялись цари, разные части страны и даже соседние города одновременно признавали власть разных государей, происходили крестьянские волнения и восстания. Самый тяжёлый момент Смуты, в частности, по отзывам современников – это период “междоусобия”, когда московский престол оставался свободным. Этот период в документах начала XVII столетия именовался “безгосударным временем”. По наблюдениям В.О. Ключевского, из Смуты “народ вышел гораздо впечатлительнее и раздражительнее, чем был прежде, утратил ту политическую выносливость, какой удивлялись в нём иноземные наблюдатели XVI в., был уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием в руках правительства” [11, с. 204]. Под влиянием Смутного времени возникли вопросы о легитимности выбора царя, об объёме и пределах царской власти, о преобразовании государственного строя. Именно в семнадцатом столетии впервые появилась цельная оппозиция государственной идеологии – старообрядчество. Престиж Церкви особенно вырос в эпоху Смуты. Время лихолетья неразрывно связано с именем патриарха Гермогена (1605–1612). Святитель способствовал сохранению национальной независимости, православной веры и общинных традиций русского народа.

Но и Лжедмитрий I не выполнил ничего из обещанного полякам: не дал им ни земель, ни золота. Он искал поддержку в России: разрешил свободный выезд торговых людей за границу, объявил о свободе конфессий, пытался смягчить положение крепостных крестьян и холопов, намеревался собрать выборных представителей от дворянства. Сам ставленник боярской верхушки, он высмеивал чванливую Боярскую думу. Более того, готовил армию для войны за русские территории с Крымом. Но внешнеполитические претензии Речи Посполитой и Швеции, интересы боярских, дворянских и дьяческих кругов, православного духовенства были выше попыток демократизации власти. Важно, что именно гражданская, зажиточная Россия сделала ставку на патристическое возрождение государственности. Не из бунтующих лихих людей, а из крепкой середины, из нижегородских ремесленных и торговых слоёв вышли основные силы, выступившие за порядок и возрождение. Практически весь XVII век ушёл на ликвидацию последствий Смуты.

Романовым в XVII столетии не приходилось прибегать к таким исключительным формам террора, какие избирал Иван IV, но память о Гроз-

ном царе была жива, что облегчало его преемникам задачу укрепления самодержавной власти. Власть прекрасно понимала, что только в своём самодержавном выражении она способна сохранить территориальное единство России. XVII век — это не утраченные возможности, это время нового исторического выбора дальнейших путей развития государства. Именно тогда решался вопрос о том, какой будет будущая Россия. Русские люди оказались перед проблемой выбора государя. Столь важный вопрос, по представлениям русских людей, не мог решаться иначе, чем *всей землёй*, то есть Земским собором. Для российского общества это был один из первых опытов демократии. Другой проблемой стала альтернатива: самодержавная или ограниченная власть государя. В условиях Смуты оформилось два варианта: соправление царя с Боярской думой (аристократический вариант) или с Земским собором (демократический вариант). В настоящее время наиболее обоснованным является мнение Л.В. Черепнина, который в своём труде перечислил в хронологическом порядке 57 соборов, из них 11 в XVI в. и 46 — в XVII [12]. Однако и Л.В. Черепнин, а также М.Н. Тихомиров, Н.И. Павленко и С.О. Шмидт полагают, что их могло быть и больше. Следует отметить, что правовой статус Земского собора нигде не был оговорён, отсутствовали и чётко оговоренные нормы представительства на соборе. Земские соборы не ограничивали монархическую власть, а, напротив, укрепляли её, придавая решениям царя и царского правительства видимость всенародного одобрения. Следует обратить внимание и на то, что Земской собор выражал не столько мнение отдельных социальных групп, сколько мнение отдельных областей и регионов (земель). Это нашло отражение в его названии — он именно поэтому и именовался “земским”.

Была ещё одна серьёзная проблема — возможность или невозможность проведения реформ, модернизации и европеизации российского общества. Одновременно в сословной борьбе всё большее место занимает идеологическое обоснование абсолютистской тенденции. Поворотным событием стало принятие Соборного уложения — первого печатного кодекса русского права. На земский собор 1648–1649 годов съехались выборные от 116 городов; около 350 участников представляли столичных и провинциальных дворян, приказных чиновников, высшее боярство и духовенство, московский и городские посады, столичные стрельцкие полки. Напечатанные 1200 экземпляров быстро разошлись, и в том же году возникла потребность в переиздании. Российское общество неуклонно развивалось, а правовые документы становились всё более востребованными.

Свод государственных законов отразил возросшую власть самодержавного монарха — охране

жизни, чести, здоровья царя были посвящены специальные статьи. Закреплялось понятие “государственного преступления”, причём не делалось никакого различия между преступлением против государства и против личности государя [13, с. 304, 305; 14, с. 331, 332]. Уложение охраняло права землевладельцев от посягательств *подлого люда* (продумано 60 вариантов применения смертной казни). Вводились законоположения об отмене “урочных лет” и о бессрочном сыске беглых крестьян; о наследственности крепостного состояния; о праве помещика на имущество крестьянина.

Монопольное право владения крестьянами закреплялось за всеми категориями служилых людей *по отечеству*, то есть кадровыми госслужащими (номенклатурой) [13, с. 304, 305]. Узаконено прикрепление посадского населения к посадам и государеву тяглу; санкционирована конфискация частновладельческих слобод на посадах. Это укрепляло позиции торгово-ремесленного населения городов и лишало феодалов возможности оказывать на него давление; преобладающее положение на посаде закреплялось за верхушкой торгового и промышленного населения [10]. Но главное, что Соборное уложение, по сути, завершило создание государственной системы крепостного права.

В 1661 г. патриарх Никон писал: “Нет никого, кто был бы помилован: нищие, слепые, вдовы, чернецы и черницы — все обложены данями тяжкими...” [11, с. 343]. Закономерно, что середина века ознаменовалась целой серией городских восстаний — Соляной бунт 1648 г., проявившийся в 8 городах; Медный бунт 1662 г. в Москве; Псковско-Новгородское восстание 1650 г.; восстание Степана Разина 1670–1671 гг.; наконец, “Хованщина” 1682 г. и стрельцкие выступления за два года до наступления нового века. К этому следует добавить смятение в умах, вызванное расколом русской православной церкви и многочисленными войнами. Подчеркнём: в ходе всех восстаний XVII в. народ никогда не выступал против царя. Исключением стал период Смуты, когда широкие народные массы поднимались против царя под знамёнами самозванцев. Однако и в этом случае для восставших самозванец был законным царём, а московский государь — узурпатором. Характерно, что в кризисных ситуациях народ напрямую обращался со своими просьбами к царю. Практику личного приёма челобитных установил в 1605 г. Лжедмитрий I (1605–1606); в 1648 и 1662 годах восставшие москвичи приходили со своими требованиями к царю Алексею Михайловичу (1645–1676). Во время Медного бунта они даже скрепляли рукопожатием достигнутую договоренность с царём. Правда, вскоре после этого царь отдал приказ о жестоком подавлении восстания. Но сам факт “удара по рукам” царя и

простолюдина демонстрирует наличие в народном сознании определённого представления о неразрывной связи власти и народа. Важнейшим происшествием в жизни страны власти пытались придать видимость общего, всенародного дела. Например, свержение и убийство Лжедмитрия дипломатия Василия Шуйского объяснила следующим образом: узнав о еретичестве и самозванстве расстриги, его, “осудя истинным судом, всенародное множество Московского государства убили” [15, л. 89, 89 об.]. Примечательно, что народ начал ощущать ответственность за судьбу государства. Так, Авраамий Палицын главной причиной трагедии начала столетия считал “премногие и тьмочисленные грехи”, “безумное молчание всего мира”, спокойно взиравшего на преступления властей [16, с. 105].

XVII век также стал временем последней попытки восстановления нарушенной в эпоху Ивана Грозного *симфонии, совместного делания* государства и церкви. События начала века показали, что единственный залог выживания православия – защита со стороны государства, в свою очередь, государство не сможет устоять перед внешним натиском без поддержки церкви. Результатом осознания неразрывности связей церкви и государства стало складывание идеи *православного царства* на пути “Москва – Новый Иерусалим”. Однако расхождение в вопросе о главенстве между светской и духовной властями породило противоборство двух тенденций, что привело к торжеству третьего направления – абсолютизма. Это направление полностью отразилось в империи Петра I, где церковь и все сословия были поставлены в полную зависимость от государства.

Первопреемство верховной власти России в виде самодержавия, абсолютизма и империи – это три ипостаси того явления, которое мы обозначаем русской монархией, составляющей суть нашей имперской государственности. В то же время история показывает, что взаимоотношения власти и общества в процессе эволюции должны совершенствоваться от бунтов к созданию органов народовластия и парламентских форм правления.

* * *

Россия – страна с более чем тысячелетней историей. Эта история, как и история любой великой страны, содержит в себе и времена подъёмов, и периоды кризисов. Войны, иностранные нашествия, внутренние смуты не один раз сотрясали жизнь нашего государства. Не просты были отношения власти и общества. Но верность России, её

культуре, её духовным основаниям, способность объединять вокруг себя другие народы, не подавляя их достоинства, из века в век позволяли преодолевать эти кризисы. Идеи государственности жили в народе российском, были тем компасом, который указывал дорогу вперёд. Изучение эволюции идей российской государственности в общественной мысли России свидетельствует, что необходимо сохранить *связь времён*, мы должны знать свою подлинную историю, извлекать из неё уроки, помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
2. *Успенский Б.А.* Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.
3. *Назаров В.Д.* “Любосоветный самодержец”... // *Сахаров А.Н., Назаров В.Д., Боханов А.Н.* Подвижники России. М.: Русское слово, 1999.
4. *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М.: Мысль, 1992.
5. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. М.: Олма-ПРЕСС, 2004.
6. *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
7. *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. М.: Прогресс-Культура, 1994.
8. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. М.: Терра, 1993.
9. *Альшиц Д.А.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988.
10. *Исаев М.А.* История российского государства и права: Учебник. М.: Статут, 2012.
11. *Ключевский В.О.* Русская история. Кн. 2. М.: Мысль, 1995.
12. *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978.
13. *Леонтьев А.К.* Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1979.
14. *Мартысевич И.Д., Шутьгин В.С.* Право и суд // Очерки русской культуры XVII века. М.: Изд-во МГУ, 1979.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 26.
16. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.